

ВОЙНА Цѣна отд. № 15 коп. На ст. жел. д. 20 коп. НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 43

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1915

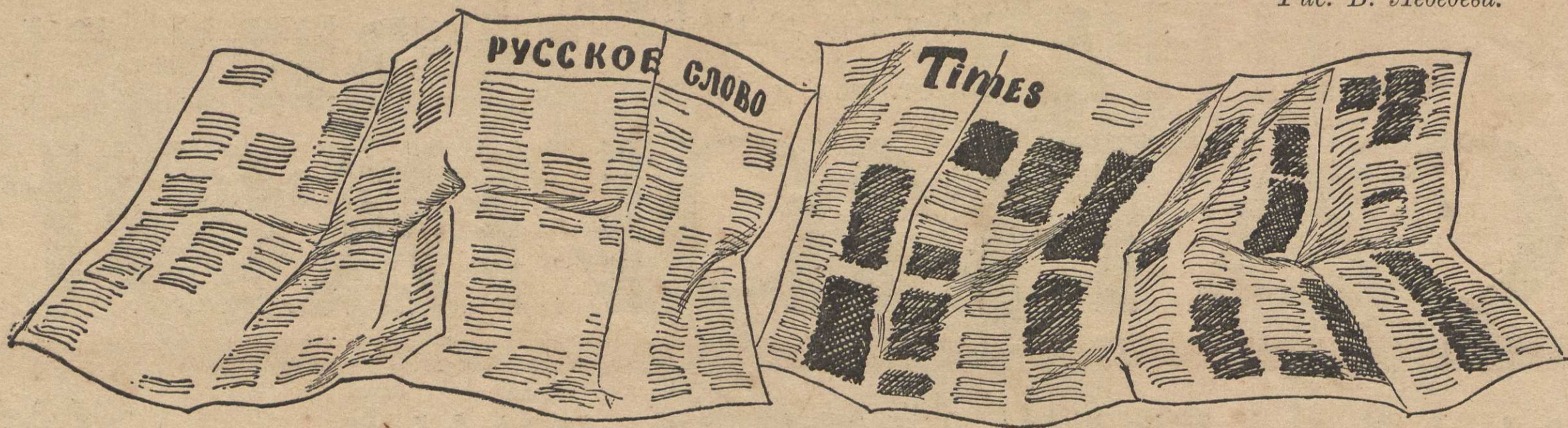
22 ОКТЯБРЯ

Рис. Ре-ми.

ВЪ „ОСЕННЮЮ НЕПОГОДУ“...

Вильгельмъ Гогенцоллернъ: — Не бойтесь, дорогіе друзья!.. Мощная Германія защититъ васъ своимъ желѣзомъ отъ всякой непогоды!

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО РУССКОЙ ЖИВОПИСИ:

Бланъ е нуаръ

ПѢСЕНКА ОБЪ ОДНОМЪ РУМЫНѢ.

Двухъ женщинъ любилъ Плутареску;
Которую больше — не зналъ.
Ни той и ни этой онъ вѣско
Ни разу люблю — не сказалъ.

Одной расточалъ онъ улыбки
И взгляды съ безумнымъ огнемъ,
Другой — серенады на скрипкѣ
Выпиливалъ ночью и днемъ.

— Довольно вилять, Плутареску!
Сказала изъ пассій одна.
Другая закончила рѣзко:
— Которая больше нужна?

Въ когтяхъ раздирающей драмы,
Печально подумалъ румынъ:
— Какое несчастье... двѣ дамы,
А я, къ сожалѣнью, одинъ.

— Вы... объ мнѣ нравитесь... объ... —
Послышался кроткій отвѣтъ.
Соперницы, въ бѣшеной злобѣ,
Отмстить ему дали обътъ.

Чуть свѣтъ — принялись за отмстку:
Не мало красавцевъ въ странѣ...
Узналъ стороной Плутареску,
Что замужъ выходятъ онѣ.

Услышавъ печальныя вѣсти,
Несчастный слезу проглотилъ.
И той онъ и этой невѣстѣ
Заочно на скрипкѣ пилилъ.

И вотъ, за недѣлю до свадьбы,
Зовутъ его объ заразы:
— Пришли, Плутареску, сыграть бы,
Какъ старый знакомый, у насъ.

Начистилъ онъ брюки до блеска,
Пригладилъ гребенкой хохоль,
Взялъ скрипку бѣднякъ Плутареску
И грустно на свадьбу пошелъ.

Пока его струны звенѣли
И плакала звуковъ волна,
Всѣ сладости гости подѣлили
И выпили бочку вина.

И только душой онъ вознесся
Къ нѣмымъ облакамъ отъ земли, —
Полтинникъ ему на поднось
Съ кускомъ пирога поднесли.

— На кухнѣ получишь обрѣзки...
Да руки тамъ, кстати, помой, ... —
Полтинникъ схвативъ, Плутареску
Ушелъ оскорбленный домой.

Три дня проходилъ онъ уныло,
На небо смотрѣлъ и траву...
И скрипка его не пилила
И лопнули брюки по шву...

Такъ всякій влюбленный, кто рѣзко
Не дастъ предпочтенія — тотъ,
Какъ бѣдный румынъ Плутареску,
Въ калошѣ свой вѣкъ доживетъ...

Аркадій Буховъ.

ВЪ ОБЩЕСТВѢ И СВѢТѢ.

На-дняхъ состоялся званый обѣдъ у графини Бери-Меня.
Присутствовали всѣ представители великосвѣтской расы,
начиная съ бароновъ и кончая баронессами.

Обѣдъ былъ поистинѣ лукулловскій.

Столы трещали подъ тяжестью изящныхъ корзинокъ съ
прекраснымъ, отлично выпеченнымъ ржанымъ хлѣбомъ.

Супъ былъ изъ перловыхъ крупъ, составляющихъ теперь,
какъ извѣстно, большую библиографическую рѣдкость.

На второе давали нарѣзанные куски ситнаго съ... на-
стоящимъ сливочнымъ масломъ.

Но наибольший фуроръ произвело третье блюдо — фран-
цузскія булки.

При видѣ ихъ гости вскочили со своихъ мѣстъ и закри-
чали «ура».

Въ одно мгновеніе булки исчезли со стола. Многие, съѣвъ
свою порцію, попросили на память еще по кусочку. Любез-
ная хозяйка по возможности исполняла эти просьбы.

Не обошлось, конечно, безъ непріятнаго инцидента.

Какой-то мрачный господинъ (говорятъ, тайный журна-
листъ) со злостью замѣтилъ:

— Въ пятидесяти верстахъ отъ насъ лежатъ миллионы
пудовъ муки... Два рубля пудъ...

Но на него закричали:

— Мало ли, что находится въ пятидесяти верстахъ отъ
насъ...

— За моремъ телушка полушка, а рубль перевозу.

— Посылать прислугу за пятьдесятъ верстъ покупать
муку!

Мрачный господинъ былъ, конечно, приведенъ къ мол-
чанію и обѣдъ продолжался.

Гости долго не хотѣли расходиться, ожидая ужина...

Много говорятъ въ «свѣтѣ» о состоявшейся на прошлой
недѣлѣ великосвѣтской свадьбѣ.

Дочь богатаго бакалейщика и весьма уважаемаго обще-
ственного жулика Воробьева сочеталась законнымъ бракомъ
съ сыномъ помощника пристава Обираловской части Жидо-
моровымъ.

Невѣста принесла съ собой приданнаго пять кулей муки
крупчатой, куль гречневой крупы, два пуда соли и шесть пу-
довъ сахару пиленого.

Разсказываютъ, что изъ-за пиленого сахару дочь долго
пилила отца своего, бакалейщика. Послѣдній больше одного
пуда сахару не хотѣлъ отпустить.

Дочка же кричала:

— Если не отпустишь десяти пудовъ — отравлюсь.

— Сколько угодно! — отвѣчалъ бакалейщикъ: — До-
чекъ въ городѣ сколько угодно, а сахару нѣтъ.

Женихъ предложилъ бакалейщику:

— Поступите, папенька, съ моей невѣстой, какъ съ
чаемъ.

— Это какъ же?

— На каждый фунтъ чая вы отпускаете фунтъ пиленого
сахару... Такъ и тутъ поступайте. На каждый фунтъ ва-
шей дочери отпускайте также по фунту сахару.

Помялся бакалейщикъ, но вынужденъ былъ уступить.

— Ишь съ какой стороны подъѣхалъ! — только произнесъ онъ съ неудовольствіемъ.

Но согласился приравнять свой живой товаръ къ чаю. И все-таки надулъ жениха!..

Бакалейщикъ приказалъ свѣсить дочку на вѣсахъ, по которымъ товаръ принимаютъ, а не отпускаютъ...

Вышло шесть пудовъ, хотя, на самомъ дѣлѣ, невѣста вѣсила не меньше семи.

Свадьба удалась блестяще. Одеколонъ лился рѣкой.

Глядя на приданное, многіе облизывались...

Много шуму надѣлало въ великосвѣтскихъ кругахъ макао, устроенное въ ночь съ субботы на воскресенье провизоромъ Ступкинымъ.

Калганныхъ капель, одеколону и спирту было такъ много, что гости очень быстро свалились подъ столъ.

Такимъ образомъ провизору, чтобы обогнать гостей, не понадобилось даже распечатать карты.

Онъ просто полѣзъ подъ столъ и очистилъ у нихъ карманы.

Проснувшись, гости много смѣялись находчивости провизора Ступкина. Провизоръ тоже смѣялся, говоря:

— Спиртъ и калганныя капли мнѣ вообще приносятъ счастье и сильно содѣйствуютъ при очищеніи кармановъ.

Вообще въ «свѣтѣ» теперь большое оживленіе.

О азаръ мы всегда замѣчали графа Проппера.

О. Л. Д'Орь.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

НОВАЯ КНИГА

Аркадія Аверченко

О МАЛЕНЬКИХЪ — ДЛЯ БОЛЬШИХЪ.

Разказы о дѣтяхъ.

(S I C!)

Хвала зоилу, кто похитить, —
Не павши предъ «талантомъ» ницъ, —
Единственный плохой эпитетъ
Изъ книги въ тысячу страницъ!

И, отыскавъ, покажетъ людямъ,
Что авторъ вовсе не великъ,
Что «мы» поэтовъ — строго судимъ,
Ихъ угощая хлесткимъ: «Sic!»

Пускай зоилу вѣскій данъ томъ,
Написанный грядущимъ Дантомъ, —
Все жъ на поляхъ и этихъ книгъ
Зоиль чертитъ обязанъ: «Sic!»

Есть много мѣстъ удачныхъ? — мимо!
И, не смущаясь тѣмъ ничуть,
Блюда «установъ», — неутомимо,
Зоиль, — за «ляпсусами» въ путь!..

Перомъ своимъ поэтовъ жаля,
Иди, подь-мышку взявши Даля!..
Что для тебя «боговъ языкъ»?
Черти себѣ все «sic» да «sic»!..

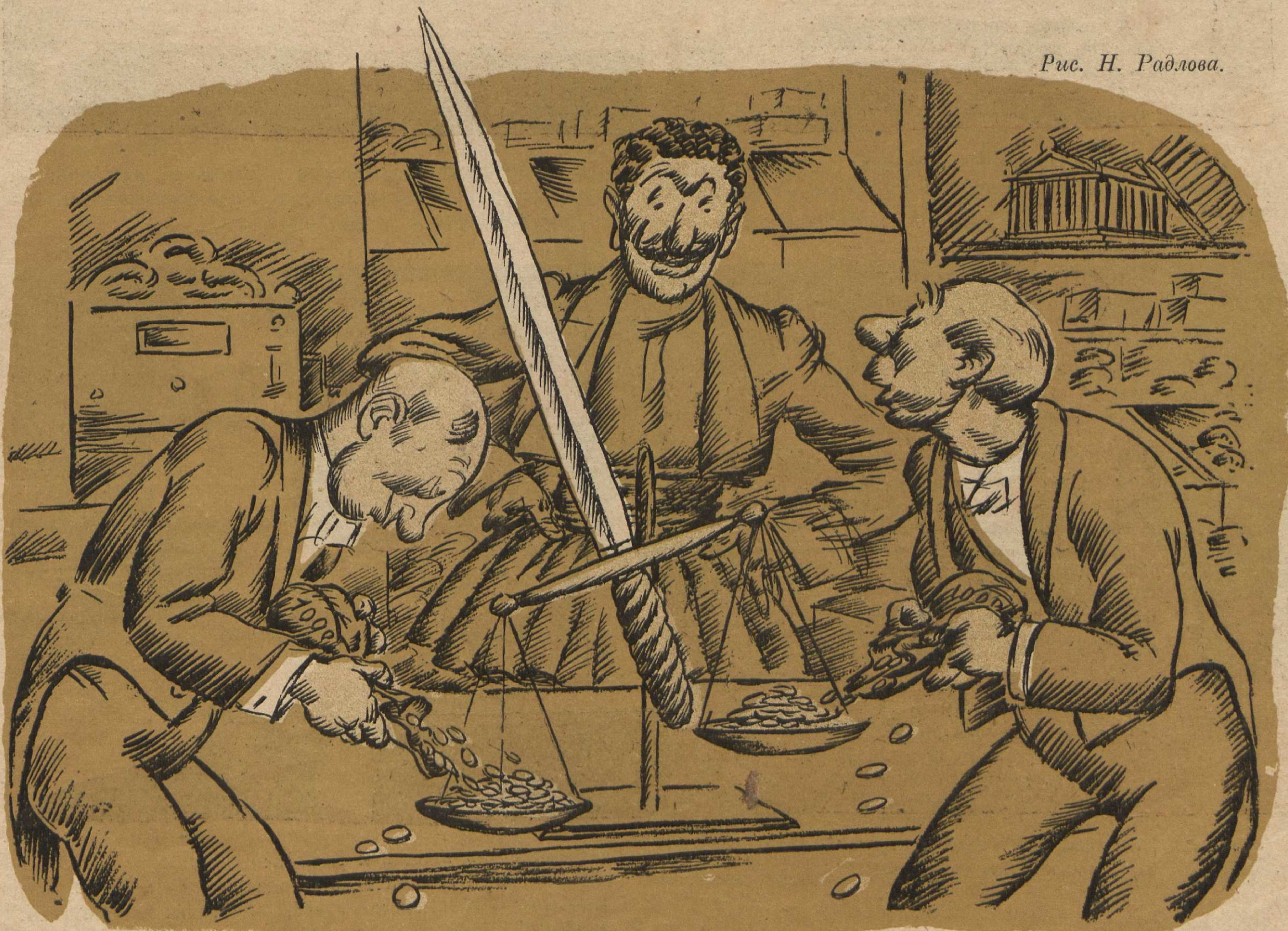
Встревожить критика едва ли
Поэта вдохновенный «ликъ»:
Иль критикъ выпалитъ: — «Слыха-а-али!»,
Иль... заключить онъ въ скобки: «Sic!»

Въ себѣ что бъ книга ни таила:
Души ль освобожденной крикъ,
Вселенной ль скорбь, — рука зоила
Заноситъ въ книгу эту: «Sic!»

Не критикъ тотъ, кто въ тайну книжекъ, —
Забывъ «пробратъ» поэта, — вникъ,
И кто на нихъ клеймомъ не выжигъ
Испепеляющего: «Sic!»

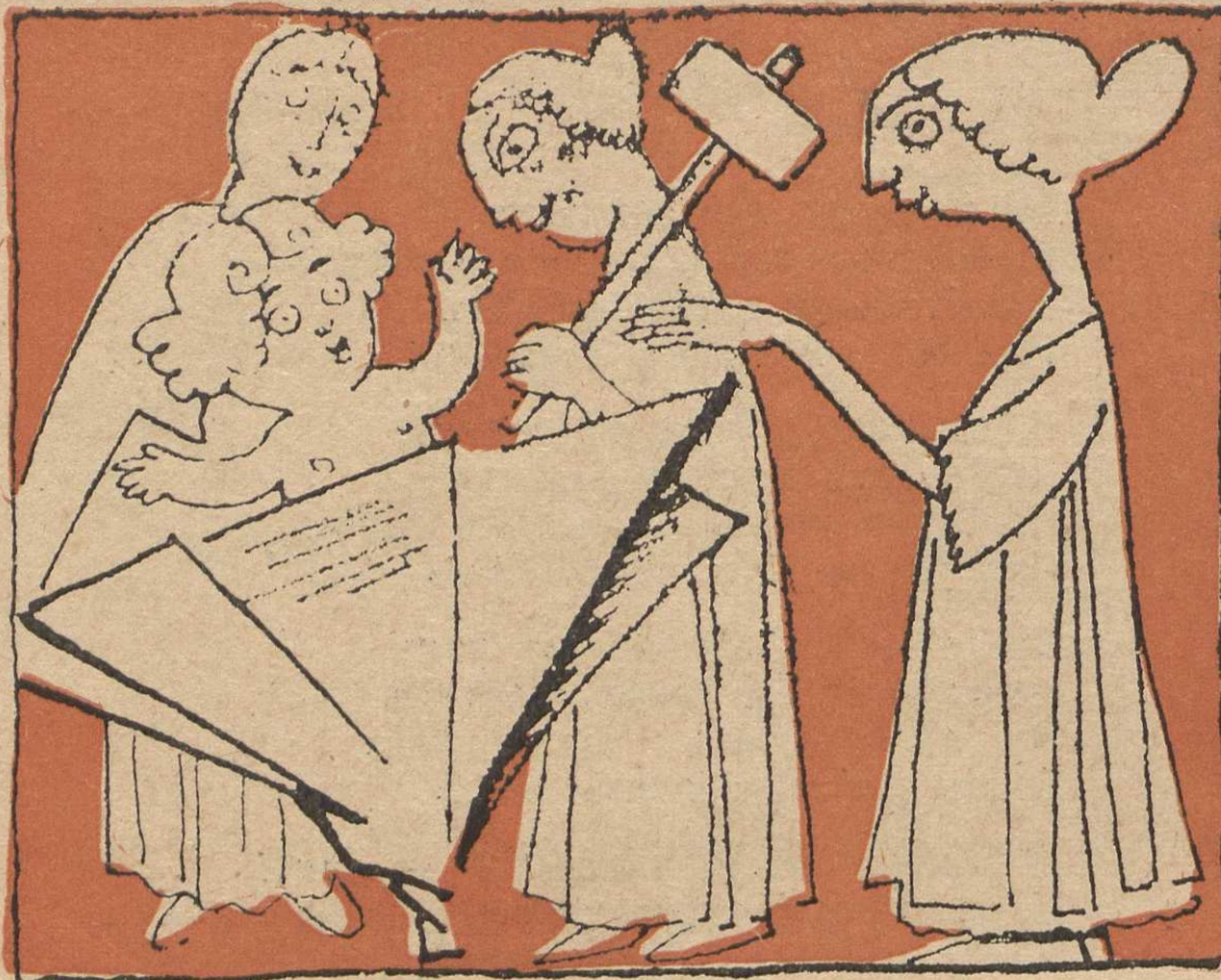
Михаиль Пустынинъ.

Рис. Н. Радлова.

ПОЛИТИКА ПРИЛАВКА.

Балканскій коммерсантъ: — Только реальные интересы моего отечества заставятъ склониться нашъ мечъ въ ту или другую сторону.
им. Н. А. Некрасова

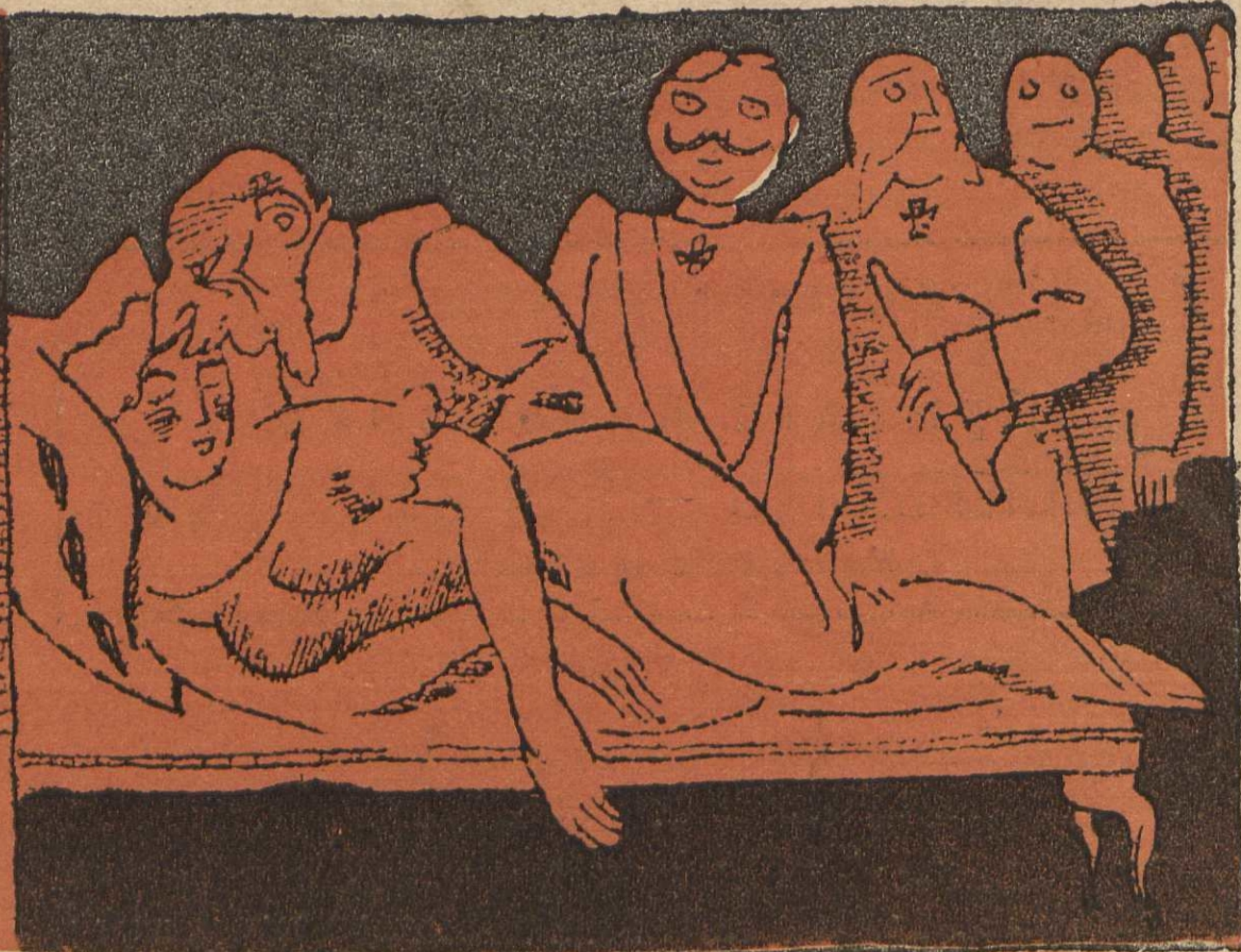
Когда родилась „Администрація“, три добрыхъ феи „Трудъ“ пришли къ ея колыбели и пожелали ей всего хорошаго.

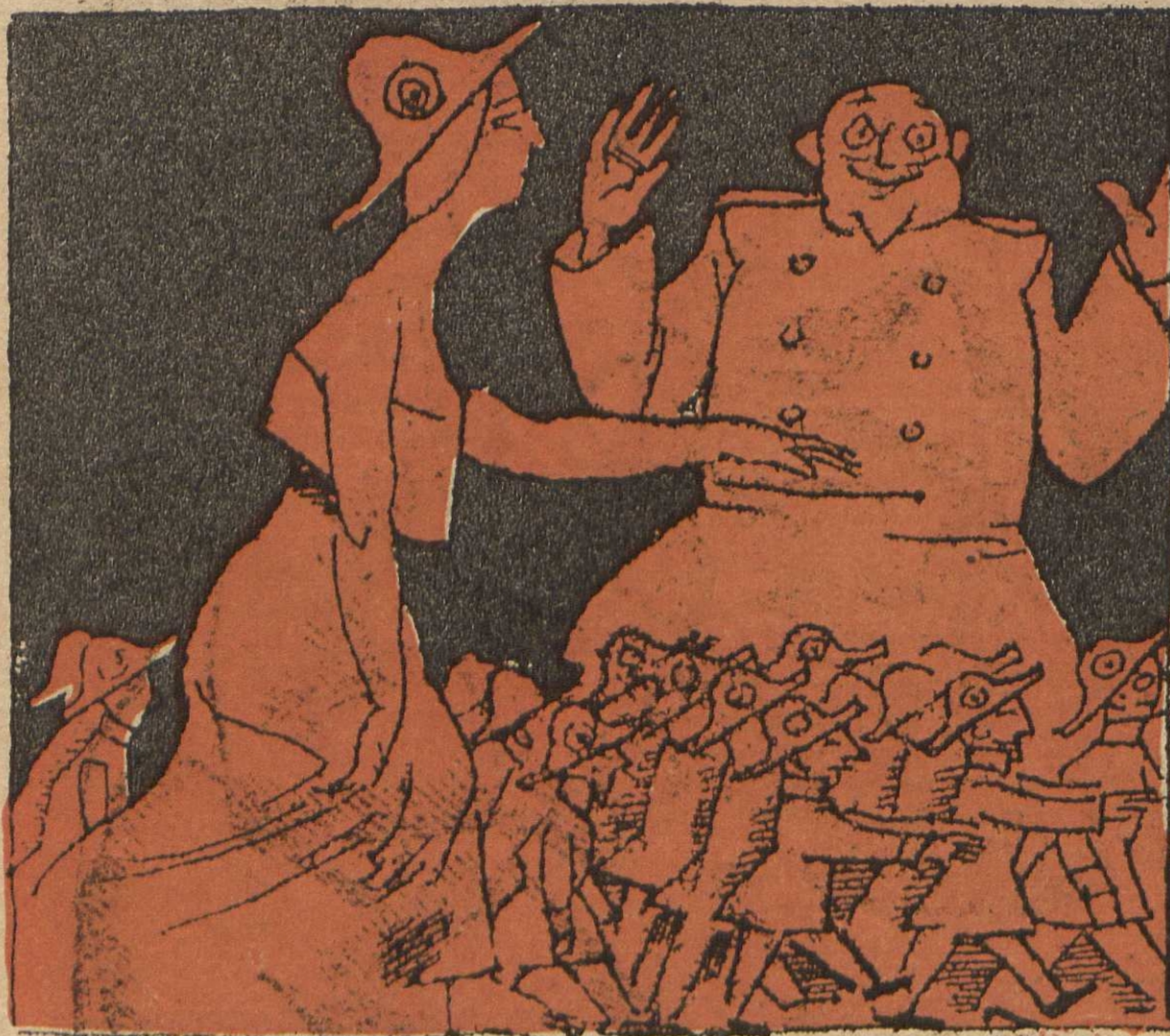
Но злая фея „Волокита“, не приглашенная на праздникъ, принесла ей странный подарокъ, — „междувѣдомственную отписку“.

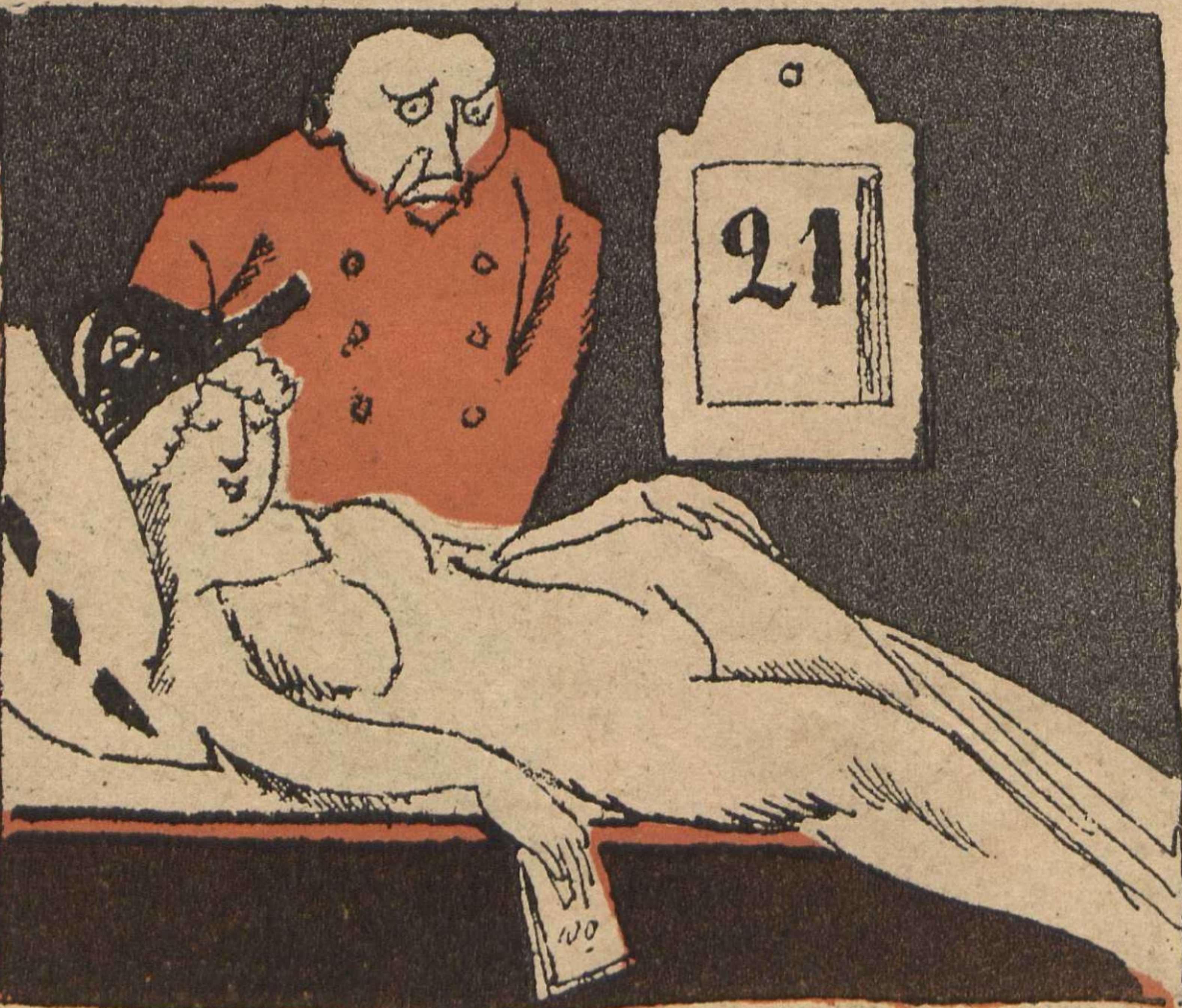
Подросла „Администрація“ и заснула крѣпкимъ сномъ, среди лѣса бумагъ, среди чернильныхъ озеръ, — и всѣ служители ея, родные ей, заснули крѣпкимъ сномъ.

Много принцевъ приходило цѣловать ея, охъ, много!.. Были здѣсь и облеченные довѣриемъ и не облеченные. Крѣпко спала красавица и не просыпалась.

Но вотъ пришелъ послѣдній принцъ. Поцѣловаль ея, и о, чудо! Красавица пошла, и всѣ ея служители тоже...

Возликоваль принцъ и сказалъ:
— О, какой великій день сегодня!
— Да, — отвѣтила красавица, — сегодня великій день: 20-е число! Разъ въ мѣсяцъ приходится мнѣ поработать, дойти до казначея!
И сказавъ это, опять легла спать!

Н О В Ы Е З Н А К И .

Я очень радъ бумажнымъ размѣннымъ деньгамъ. Пусть-ка меня обвинять теперь въ томъ, что я бросаю деньги на вѣтеръ!

— Ничего подобнаго, — воскликну я, — я на него не бросалъ, онъ самъ у меня изъ рукъ вырвалъ!

Радъ я и тому, что клеевая сторона марокъ занята печатью: никто не обвинитъ меня въ томъ, что деньги прилипаютъ къ рукамъ моимъ!

Кто изъ насъ въ свое время не былъ коллекционеромъ марокъ? Вспомните, какъ замирало отъ счастья сердечко, когда вамъ удавалось достать «Оранжевую Республику»!.. Или «Гватемалу»!.. Съ какимъ трепетомъ переворачивали вы страницы альбома!..

Я увѣренъ, что всѣ тѣ «коллекционеры», что нагрозили свои хранилища мелкой звонкой монетой, бросятся мѣнять ее на марки, если узнаютъ то, что я знаю.

А они узнаютъ!.. Узнаютъ потому, что не въ моихъ привычкахъ скрывать мои мысли, планы, проекты, свѣдѣнія и предложенія, которые могутъ принести людямъ радость.

Слушайте!

Всѣ вы знаете, знаете еще со школьной скамьи, что въ Китаѣ скупали и продолжаютъ скупать наши использованные почтовые марки. Въ настоящее время въ Китаѣ образовалось общество коллекционеров, поставившее себѣ цѣлью собрать нѣсколько сотенъ тысячъ коллекцій нашей новой мелкой бумажной размѣнной монеты. Вотъ!

Я увѣренъ, что лѣтъ черезъ десять десятикопеечная денежная марка будетъ стоить тысячъ десять золотомъ. А лѣтъ черезъ пятьдесятъ за нее будутъ (конечно, американскіе миллиардеры!) платить такія баснословныя суммы, что не всякій гимназистъ сразу ихъ сможетъ и написать!

...У меня есть коллекція моихъ писемъ, которыя не были отправлены по назначенію только потому, что у меня не хватало либо памяти, либо терпѣнія, либо охоты приобрести почтовую марку. Боже мой, какъ много изъ-за этого было неприятностей, недоразумѣній, сценъ!.. Однѣхъ несостоявшихся свиданій — уйма!.. А теперь — вы можете оборотную стороны бумажной монеты соответствующаго достоинства гуммиарабикомъ, синдетикономъ, наконецъ, сырымъ яичнымъ бѣлкомъ, или даже вареньемъ и клеете на письмо. И если теперь вы не отправите письма по назначенію, то только потому, что оно завалось въ вашемъ карманѣ.

...Единственно кого мнѣ жаль — это господъ фальшивомонетчиковъ! Войдите вы въ положеніе человѣка, который только-только обзавелся домашнимъ монетнымъ дворомъ и вдругъ — трахъ! и полное крушеніе предпріятія: изволь обзаводиться домашней экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ!!..

Мнѣ кажется, государство въ такихъ случаяхъ должно приходить на помощь и выдавать авансомъ нѣсколько лѣтъ каторжныхъ работъ, ибо нельзя безъ предупрежденія заставлять человѣка переходить съ чеканки на печать.

Затѣмъ, на денежныхъ маркахъ нѣтъ предупрежденія, что «за поддѣлку кредитныхъ билетовъ виновные подвергаются лишенію всѣхъ правъ и ссылкѣ въ каторжные работы» — это тоже нехорошо: соблазнъ!

Затѣмъ, по-моему, необходимо объявить, что перепачканныя, мятыя и надорванные марки замѣняются Государственнымъ банкомъ новыми, а истраченные... не замѣняются.

...Когда надъ человѣкомъ стрясется бѣда — ему начинаетъ казаться, что до этого момента онъ жилъ припѣваючи, все прошлое начинаетъ вспоминаться въ самыхъ яркихъ краскахъ и не будь этого послѣдняго испытанія, онъ бы блаженствовалъ!

Я не хочу сказать, что новыя денежные марки — новая бѣда, что страдась надъ обывателемъ, нѣтъ, я хочу обратить лишь ваше вниманіе на то, что обыватель вдругъ полюбилъ старыя бумажные рубли... тѣ самые, что онъ такъ недавно старался превратить въ серебро и мѣдь.

...Мнѣ кажется, что лучше всего вернуться къ мѣновому періоду. Господинъ редакторъ, благоволи въ обмѣнъ за настоящую рукопись прислать пару дамскихъ туфель № 9, штанишки моему младшему сыну (на 4½ года), фунтъ колбасы, 1 сажень дровъ березовыхъ. Перерасходъ прошу записать мнѣ въ счетъ аванса!

Исидоръ Гуревичъ.

М А Р У С Я Г О Л Я Ф Р Е .

Дѣтской любви застѣнчивая лесть,
Въ сердцѣ глубокой, неизгладимый слѣдъ,
Вамъ было пять, мнѣ было шесть,
Прошло съ тѣхъ поръ двадцать лѣтъ...

Милую дѣвочку Марусю Голяфре
Развѣ бы я забыть могъ?
Вы помните наши игры на дачномъ дворѣ
И маленькаго рыцаря у вашихъ ногъ?

Смѣялись большіе, не понимали насъ,
А насмѣшки дѣтское сердце жгутъ...
— Тебѣ, Ромео, — который часъ? —
— Тебѣ, Джульетта, сколько минутъ?

Разными дорогами направился жизни ходъ,
Вычертилъ сказку запутанный слѣдъ,
Милая, Маруся, вѣдь вотъ я — вотъ —
Взрослый бродяга — тихій поэтъ...

Жизнь нашу мѣрятъ уже не часы,
Вамъ — двадцать пять, мнѣ — двадцать шесть,
У меня борода, у меня усы,
У васъ уже дѣти, конечно, есть?

У трехъ любовницъ ласку-любовь
Я хитро ворую — лукавый тать —
Ахъ, Маруся, мнѣ хочется вновь
Въ «школу-мячики» съ вами играть...

Но этого нельзя, нельзя никакъ...
Т. е. можно въ шутку, но нельзя въ серьезъ,
Вы первая скажете: Горянской, дуракъ,
Пришелъ и зачѣмъ-то мячикъ принесъ!

Ахъ, Маруся, на своемъ пути
Я изрядно уже потрепалъ багажъ,
Но васъ хотѣлъ бы снова найти,
Только гдѣ же узнаю адресъ вашъ?

А если найду — то вашъ мужъ ревнивъ,
— Полно, скажете, городить огородъ! —
Но, можетъ быть, вы ребенкомъ схватили тифъ
Не выросли и умерли въ тотъ же годъ?

Вотъ такъ штука! Но нѣтъ и нѣтъ...
Вы живы, послушайте, я даю вамъ вѣсть —
Въ сердцѣ глубокой неизгладимый слѣдъ...
Вамъ было пять... мнѣ было шесть...

Валентинъ Горянской.

П Е Р Ъ Я И З Ъ Х В О С Т А .

Одна изъ витебскихъ газетъ пишетъ рецензію такъ, что буквально зачитываешься.

Образы — незабываемые:

Срывая подчасъ куски далеко недурной игры, доставляющіе пріятные моменты, — они тѣ-же самые моменты топятъ въ дальнѣйшей посредственной игрѣ тѣхъ же самыхъ артистовъ.

А вотъ что пишетъ рецензентъ объ одномъ артистѣ, срывающемъ куски далеко недурной игры:

Г-ну Пасхалову, отъ котораго я вправъ больше требовать какъ отъ лучшаго артиста труппы, я бы горячо посоветовалъ перемѣнить на себѣ одну часть туалета. Нельзя-же появляться въ роляхъ босяковъ и салонныхъ кавалеровъ въ однихъ и тѣхъ же «невыразимыхъ». Не допускаю, чтобы «они» служили ему «талismanомъ», вѣчно не снимающимся. Побольше, господа артисты, вниманія къ своему дѣлу вообще и въ частности, и не дѣлайте это такъ, какъ Грибодовскій Фамусовъ: «Подписано и съ плечъ долой».

Очень мило. И цитата къ мѣсту, и тонкое чутье-выказано.

И дѣйствительно: нельзя «топить моменты въ посредственной игрѣ», да еще сводя, при этомъ, амплитуду гардеробныхъ колебаній до минимума.

Журналъ «Женщина», очевидно, рассчитываетъ на сильное распространеніе въ центрѣ восточной Африки, потому что въ отдѣлѣ хозяйственныхъ совѣтовъ такъ поучаетъ читательницъ:

Приглашая гостей къ чаю, хозяйка предлагаетъ имъ только бутерброды, тортъ, печенья, сладости; а горячихъ блюдъ за чаемъ не подаютъ.

Представьте себѣ удивленіе читательницъ «Женщины», которыя привыкли подавать къ чашкѣ чая хорошо сваренную гречневую кашу, а къ сливочному тарту — тарелку наваристыхъ щей съ добрымъ кускомъ мяса.

ГЕРМАНИЯ ПРЕИСПОЛНЕНА ОТВАГИ.

Ораторъ отъ правительства: — Друзья мои! Германия ни передъ чѣмъ не отступитъ! Мы будемъ воевать до послѣдняго болгарскаго солдата и до послѣдняго турецкаго корабля!!

ДѢЛО КАНАДСКИХЪ ГРАБИТЕЛЕЙ.

(Новое приключеніе Шерлока Холмса).

— Ватсонъ, — шепнулъ мнѣ на ухо Шерлокъ Холмсъ, — съ этой дамой случилось несчастье.

— Откуда вы знаете? — съ изумленіемъ посмотрѣлъ я на него.

— Дедуктивный методъ, — хладнокровно отвѣтилъ сыщикъ. — Она плачетъ.

— Но почему же вы думаете, что она плачетъ отъ несчастья, — пораженный его доводами пробормоталъ я.

— О, мы сыщики должны быть внимательны ко всему... Войдя въ комнату, она сказала: «Сударь, со мной случилось несчастье». Сопоставьте ее заявленіе и слезы, и вы поймете, что я правъ.

— Да, да, — преклоняясь передъ нимъ, сказалъ я.

— Сударыня, — сказалъ Шерлокъ дамѣ, — скажите, что привело васъ сюда...

Дама приложила платокъ къ глазамъ, однимъ усиліемъ воли сдержала истерическій крикъ горя и отвѣтила:

— Одинъ рубль десять копеекъ.

— Наслѣдство? — быстро схватывая ее за руку, спросилъ Шерлокъ. — Украли?

— Отдала. Сама. Вездѣ то же самое.

— Кому?

— Ему. Фамилію сейчасъ забыла. Рядомъ съ нами. Высокій, рыжій.

— Записывайте, Ватсонъ: высокій, рыжій... Требовалъ и угрожалъ?

— Откуда вы знаете? — съ удивленіемъ, въ которомъ сквозилъ ужасъ, спросила дама.

— О, мы сыщики. Что у него было въ рукахъ, сударыня?

— У него? Ветчина.

— Записывайте, Ватсонъ. Это первый случай въ моей практикѣ — убійство ветчины.

— Докажите, что онъ жуликъ, господинъ Холмсъ, — умоляюще поризнесла дама, — сдѣлайте это ради моего малютки сына, исключеннаго изъ университета за невзность платы и ради моего малютки мужа, лишившагося мѣста въ кредитной канцеляріи...

— Сударыня, — сказалъ Шерлокъ Холмсъ, — я сдѣлаю все, что могу...

* * *

— Это работаетъ шайка канадскихъ подкальвателей, — хмуро сказалъ Холмсъ, когда женщина ушла. — Томъ Джонсъ, человѣкъ съ рванымъ ухомъ и его шайка... Я накрою ихъ... Ватсонъ, кто-то звонитъ...

— Телеграмма...

— И ее, конечно, принеси не ученикъ консерваторіи, а телеграфистъ...

— Шерлокъ... Откуда...

— О, мы сыщики... — Онъ быстро пробѣжалъ телеграмму и, поблѣднѣвъ, тяжело опустился на кресло. — Ватсонъ, преступленіе разворачивается... Среди бѣлаго дня, на Невскомъ съ человѣка взяли полтора рубля за фунтъ сливочнаго масла...

— Вы шутите, — не вѣря собственнымъ ушамъ, произнесъ я, — не можетъ быть. Вѣдь около Петрограда десятки вагоновъ съ прекраснымъ сливочнымъ масломъ... Полиція...

— Полиція? — раздраженно сказалъ Холмсъ, — что вы мнѣ говорите... Шайка канадскихъ грабителей сильнѣе полиціи... Кто-то идетъ, Ватсонъ...

— Письмо. Почеркъ неразборчивый.

— Это пишетъ Джимъ, моя собака, которую я дедуктивнымъ путемъ научилъ писать на почтовой бумагѣ.

Онъ вскрылъ конвертъ и громко произнесъ:

— Преступленіе...

— Продолжается?

— Развивается, Ватсонъ, бѣшенными шагами... Джимъ пишетъ, что онъ прослѣдилъ за старухой, съ которой взяли шесть гривенъ за десятокъ яицъ...

— Въ безлюдномъ переулкѣ, осенней ночью, когда темное небо нависш...

— Днемъ. На Садовой! — рѣзко кинулъ онъ.

— Преступникъ бѣжалъ?

— Торгуетъ. О, Томъ Джонсъ — опасная штука...

— Но вѣдь, подѣзжая къ Петрограду, мы видѣли вагоны, наполненные яйцами...

— Джонсъ задерживаетъ ихъ на станціи...

— Но городское самоуправленіе...

— Агенты Джонса, канадскаго разбойника, дорогой Ватсонъ, вездѣсущи... Они въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ даже...

— Кто-то стучится...

— Это стучится мужчина.

— Почему вы думаете? Я пораженъ до глубины...

— Ахъ, это такъ просто, — почти съ досадой кинулъ великій сыщикъ. — Онъ говоритъ за дверью басомъ. На моей практикѣ былъ только одинъ случай, въ Небраско, чтобы женщина говорила басомъ. И то это оказалась не женщина, а негодяй Баукинсъ, котораго повѣсили... Что тамъ?

— Записка...

— Дайте... Ватсонъ, я теряю голову. Они хитрѣ меня.

Новое преступление на окраинах Петрограда. Громадная партия дровъ исчезла на глазахъ у толпы. Остатки продавались по восемнадцати рублей за сажень...

— Можетъ быть поѣдемъ сами?..

— Ёдемъ, — коротко сказалъ онъ, — сыщикъ долженъ быть первымъ на мѣстѣ преступления.

* * *

Мы вышли на улицу.

— За нами слѣдятъ, — шепнулъ мнѣ Шерлокъ, — нужно быть осторожнымъ. Сейчасъ я проверю, нѣтъ ли поблизости молодцовъ изъ шайки Джонса. Извозчикъ!

— Куда прикажете?

— Невскій, уголь...

— Рупь.

Шерлокъ метнулся въ сторону и оттащилъ меня.

— Это Джекъ Пятнистый, одинъ изъ главарей...

Дальше.

Черезъ двѣ улицы, около какого-то магазина, мы увидѣли толпу людей, мрачно стоявшихъ другъ за другомъ. Впускали въ полуприкрытыя двери магазина по одному.

— Здѣсь творится что-то неладное... Въ чемъ дѣло? — спросилъ онъ у одного изъ толпы, — сознавайтесь. Только при этомъ условіи вамъ будетъ дарована свобода.

Тотъ схватился за сердце, пошатнулся и заплакалъ.

— О, не сердитесь. Я не виноватъ. Это очередь за сахаромъ.

— Вы врете, сэръ, — холодно сказала Шерлокъ, — я знаю, что въ Петроградѣ громадныя залежи сахара. Вы врете.

— Честное слово. Здѣсь его продаютъ на три копейки дороже.

— Почему же вы не кричите?

— Благодарю васъ. Кричали.

— Идемъ, Ватсонъ... Я теряю голову... Скорѣе...

* * *

— Вы подождите здѣсь, — сказалъ мнѣ Шерлокъ у фруктоваго магазина, — я сейчасъ вернусь.

Онъ быстро нырнулъ въ магазинъ, принявъ видъ беззаботнаго портового извозчика, а я, закрывъ зонтомъ ноги отъ любопытныхъ взглядовъ, сталъ дожидаться. Не прошло и двухъ минутъ, какъ Холмсъ рѣзкимъ прыжкомъ вынырнулъ изъ магазина и глухимъ шопотомъ кинулъ мнѣ:

— Ватсонъ... Они и здѣсь...

— Джонсъ?

— Его ребята... Я попросилъ десять плохихъ яблокъ...

— Сколько? — съ дрожью въ голосѣ спросилъ я.

— Два рубля.

— Стальные наручники были съ вами?..

— Ватсонъ, Ватсонъ... Мое имя посрамлено... На моихъ глазахъ негодяй бросился на какую-то даму и взялъ съ нея четыре рубля за десятокъ гнилыхъ грушъ... Я самъ едва успѣлъ выскочить...

— Что дѣлать, Шерлокъ...

Онъ печально посмотрѣлъ на меня и грустно покачалъ головой.

— Ватсонъ... Шайка канадскихъ грабителей сильнѣе Холмса... Здѣсь замѣшанъ Моріарти... король преступниковъ, мой злѣйшій врагъ... Идемъ же домой.

* * *

Ночью мы были разбужены звономъ стеколъ. Въ комнату влетѣлъ громадный булыжникъ, завернутый бумагой.

Гибкимъ ягуаромъ среднихъ лѣтъ, Шерлокъ бросился къ камню, развернулъ бумагу, прочелъ ее и передалъ мнѣ.

— Я приговоренъ къ смерти, — сказалъ онъ, берясь за скрипку и играя одну изъ Мендельсоновскихъ вещицъ Грига, — Ватсонъ, гдѣ мой смычекъ...

Я просмотрѣлъ бумагу.

— Шерлокъ, — дрожащимъ голосомъ и вѣжливо сказала я, — васъ приговорила къ смерти дровяная комиссія.

— Это общество перекочевало изъ долинъ Иллинойса въ Европу. Мнѣ уже не разъ приходилось сталкиваться съ ними. Помните трупъ въ двухъ сундукахъ на борту «Ориноко»?

Какъ бы въ отвѣтъ на эти слова электричество потухло, дверь раскрылась, и чья-то рука, высунувшись, прибила кинжаломъ къ дверямъ маленькую записку.

— Зажгите свѣтъ, Ватсонъ, — спокойно сказалъ Шерлокъ Холмсъ, — если васъ не убили.

— Нѣтъ, дорогой другъ. Я живъ.

— Это не первый случай въ моей практикѣ, когда люди, которымъ не грозила опасность, оставались живы. Зажгли? Теперь прочтите... Не блѣднѣйте. Читайте вслухъ...

— Тайная организація Фруктовщиковъ... Яичниковъ... Молочниковъ...

— Къ смерти?

— Къ ней.

— Ватсонъ, мы должны уѣхать отсюда. Канадскіе грабители торжествуютъ. Здѣсь сила въ ихъ рукахъ. Холмсъ безсиленъ. О, Томъ Джонсъ... Мы еще съ тобой встрѣтимся...

* * *

Послѣ этого мы часто вспоминали съ Холмсомъ о дѣлахъ шайки Джонса въ Петроградѣ. Мы уличили одну коронованную особу въ кражѣ серебряныхъ ложекъ, раскрыли въ Берлинѣ притонъ награбленныхъ въ разныхъ концахъ Европы вещей, арестовали шесть убійцъ старухъ, бросавшихъ въ нихъ сверху бомбы, прослѣдили организацію душителей ядовитыми газами — но каждый разъ, когда имя Холмса покрывалось новымъ ореоломъ славы, онъ вздыхалъ и сконфуженно говорилъ:

— А помните тогда... Шайка канадскихъ грабителей...

— Помните, Холмсъ, — утѣшалъ я его, — ваши послѣднія дѣла...

— Ахъ нѣтъ, дорогой Ватсонъ, — съ горечью отвѣчалъ онъ, — это были первые грабители, которыхъ было такъ много, а меня такъ мало...

Арк. Буховъ.

ВЪРНАЯ ПРИМѢТА.

— Я не могу понять: каждый день я получаю анонимное письмо, въ которомъ написано — что я мошенникъ. Вы не можете объяснить мнѣ, кто бы это могъ писать: женщина или мужчина?

— Извольте. Определенно могу сказать, что это писалъ мужчина: во-первыхъ, почеркъ слишкомъ узкій, — женщина пишетъ размашистѣй; во-вторыхъ, женщина нѣтъ дѣла, что вы должны мнѣ 25 рублей, а въ-третьихъ, это писалъ я.

Иванъ Руденковъ.

Рис. Н. Р.

БОЛЬШОЙ УСПѢХЪ.

— Гдѣ ты игралъ въ послѣднее время?

— О, братъ... Ты и представить себѣ не можешь, какъ я игралъ!.. Въ Минскѣ я игралъ.

— А-а а!.. Вотъ почему оттуда такая волна бѣженцевъ за послѣднее время...

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Вліяніе „Нов. Сатирикона“.

Нами получена вырѣзка изъ „Новаго Времени“:

Въ ночь на 26 сентября въ сыскную полицію нѣсколько легковыхъ извозчиковъ доставили неизвѣстнаго молодого человѣка. Онъ, по словамъ извозчиковъ, нанялъ одного изъ нихъ отъ Караванной ул. на Васильевскій островъ. Въ пути неизвѣстный внезапно набросился на извозчика и палкой сталъ наносить ему удары по головѣ. Окровавленный извозчикъ едва удержался на козлахъ. Къ нему на помощь поспѣшили другіе извозчики и схватили неизвѣстнаго. Неизвѣстный продолжалъ буйствовать, кусалъ руки и кричалъ о помощи. Во время допроса онъ обнаружилъ явные признаки ненормальности, почему и былъ отправленъ въ больницу.

При вырѣзкѣ — крайне содержательное препроводительное письмо:

М. Г. г. Редакторъ!

Въ № 39 Вашего уважаемаго журнала было помѣщено письмо г. Петроградца, въ которомъ авторъ предлагаетъ, какъ мѣру, облегчающую борьбу петроградскаго обывателя съ безчинствомъ извозчиковъ, негра Джонсона.

Съ этой мѣрой надо торопиться! Изъ прилагаемой мною замѣтки „Новаго Времени“, Вы усмотрите, что нѣкій молодой человѣкъ избилъ до крови извозчика, на которомъ онъ ѣхалъ.

При доставленіи этого молодого человѣка въ сыскную полицію, была обнаружена его психическую ненормальность. Не можетъ быть двухъ мнѣній о томъ, кто былъ причиной умопомѣшательства несчастнаго.

Пусть же городская дума поторопится и немедленно выпишетъ изъ Англии негра Джонсона, въ противномъ случаѣ слѣдуетъ опасаться, что наши психіатрическія лѣчебницы переполнятся въ ближайшемъ будущемъ жертвами извозничьяго безчинства. А. Ф.

Мы пріятно удивлены и вмѣстѣ съ тѣмъ даже немного испуганы той быстротой и энергіей, съ которой проводятся въ жизнь дѣловые проекты нашего журнала.

Втайнѣ можемъ признаться: изступленному молодому человѣку мы больше сочувствуемъ, чѣмъ поколоченному имъ извозчику...

Святой языкъ.

„Вечернее Время“ приводитъ отрывокъ изъ письма:

... „Пріѣхали въ Бергенъ туманнымъ утромъ. Оставалось до отхода парохода часовъ пять. За это время успѣли выполнить всѣ формальности, необходимыя для получения билета на пароходъ въ Ньюкэстль. Нужно было сняться у американскаго (?) фотографа, визировать эту фотографію у русскаго и англійскаго консуловъ, получить разрѣшеніе норвежской власти, и т. д. Пикантная подробность: русскій консулъ ни слова не говоритъ по-русски и плохо по-англійски, зато англійскій консулъ превосходно знаетъ русскій языкъ, и къ нему посылаютъ объясняться Русскихъ, не знающихъ другихъ языковъ!..“

— Русскій языкъ ужъ извѣстно какой, — говоритъ сваха въ гоголевской „Женитьбѣ“, — на русскомъ языкѣ всѣ святыя говорили.

Поэтому и удивительно: почему въ англійскомъ консулѣ больше святости, чѣмъ въ русскомъ консулѣ?

Мудрый Эдипъ! Вмѣсто того, чтобы придирается къ этой „Волчьей ягодѣ“ и вычеркивать ее, ты лучше разрѣши намъ этотъ вопросъ...

Человѣкъ, попавшій въ исторію.

Не знаешь, гдѣ потеряешь, гдѣ найдешь:

Тамбовскій губернаторъ наложилъ штрафъ въ размѣрѣ 1000 руб. на мѣстную газету за помѣщеніе рѣчи, произнесенной въ Г. Думѣ Хвостовымъ (нынѣшнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ) и посвященной вопросу о нѣмецкомъ засильѣ въ Россіи.

Надѣмся, что г. министръ внутреннихъ дѣлъ поглядитъ за это губернатора по головкѣ свернутымъ въ трубку прошеніемъ объ отставкѣ.

Дурацкая исторія.

„Раннее Утро“ рассказываетъ такую умиленную исторію:

Начальникъ станціи „Джанкой“, находящейся въ ста верстахъ отъ Феодосіи, нѣсколько дней назадъ получилъ телеграмму отъ начальника станціи „Мелитополь“ слѣдующаго содержания: „Встрѣчайте составъ живности“.

Начальникъ въ простотѣ души предположилъ, что везутъ гуртъ скота, и никакихъ особыхъ приготовленій не сдѣлалъ. Каково же было его удивленіе, когда на слѣдующій день на станцію прибылъ поѣздъ съ 600 бѣженцевъ! Для нихъ, конечно, не оказалось на станціи ни свободныхъ помѣщеній, ни продуктовъ, ни даже кипятку. Начальникъ станціи, получивъ наканунѣ телеграмму, не могъ догадаться, что подъ живностью слѣдуетъ понимать бѣженцевъ, и не подумалъ извѣстить о прибытіи несчастныхъ мѣстныя общественныя организаціи.

Между тѣмъ, бѣженцы съ нетерпѣніемъ ожидали остановки и, добравшись до станціи, бросились за кипяткомъ и хлѣбомъ. Ни того, ни другого не оказалось. Голоднымъ, оборваннымъ старикамъ, женщинамъ и дѣтямъ пришлось оставаться въ вагонахъ-теплушкахъ безъ надежды на помощь.

Нельзя отказать въ остроуміи веселому начальнику станціи Джанкой, назвавшему бѣженцевъ живностью.

Но нельзя будетъ отказать въ остроуміи и его начальству, если оно скажетъ своему веселому подчиненному:

— Проваливай со службы, душа-человѣкъ!

Это будетъ еще веселѣе.

Золотыя головы.

А вотъ какъ желѣзнодорожные служащіе на ст. Харьковъ весело и остроумно устроились со сложнымъ вопросомъ поступленія золота въ казну путемъ предоставленія преимуществъ пассажирамъ, покупающимъ билеты на золотыя деньги:

30 сентября у начальника ст. Харьковъ-пассажирская была сдѣлана запись въ очередь на билеты курьерскаго поѣзда въ Петроградъ 2с. Но записавшіеся, даже Z., записанный третьимъ въ очередь, билетовъ не получили. Г-дамъ Ш. было заявлено кассиромъ, что нѣтъ билетовъ ни 1-го, ни 2-го классовъ. Имъ спѣшно надо было ѣхать, и они были въ большомъ смущеніи.

Въ это время къ г. Ш. подошелъ неизвѣстный человѣкъ, который указалъ, что если часть стоимости билета, не менѣе 10 руб., будетъ уплачена золотомъ, билеты будутъ выданы кассиромъ безпрепятственно на этотъ же поѣздъ. Этотъ же неизвѣстный человѣкъ указалъ г. Ш. двухъ лицъ въ формѣ желѣзнодорожныхъ чиновниковъ, у которыхъ можно „купить“ золотыя монеты. Г. Ш. подошелъ къ указаннымъ ему лицамъ, и тѣ предложили ему „продать“ 2 золотыя монеты 5-рублеваго достоинства по 8 руб. за каждую.

Узнавъ у кассира, что въ случаѣ уплаты 10 руб. золотомъ билетъ на курьерскій поѣздъ будетъ ему выданъ, г. Ш. „купилъ“ 10 руб. золотомъ за 16 руб. кредитными билетами и немедленно получилъ билетъ на Петроградъ.

Видя успѣхъ такой операции, и другіе пассажиры, оставшіеся безъ билетовъ, стали покупать по двѣ золотыя монеты 5-рублеваго достоинства по 16 руб., и всѣмъ имъ немедленно выдавались билеты.

Чтобы начальнику станціи Джанкой не было одному скучно, нужно дать ему въ товарищи харьковскихъ желѣзнодорожниковъ. Пусть играютъ сообща въ рамсъ и, плача другъ другу въ жилеты, вспоминаютъ о прошломъ.

Плохая игра.

Не надо забывать, что нѣмецъ, кромѣ обезьяны, и шарманку выдумалъ...

Не безынтересны рассказы плѣнныхъ о томъ, какимъ путемъ въ Германію попали кинематографическіе снимки съ видами мѣстностей нашего края. По словамъ плѣнныхъ, эти снимки были произведены задолго до войны спеціальными германскими агентами — шарманщиками. Эти „шарманщики“, пробираясь по нашимъ городамъ и селамъ, услаждая публику вальсами и пѣснями, попутно производили съемку мѣстностей спеціально приспособленнымъ къ шарманкѣ кинематографическимъ аппаратомъ.

Нѣтъ большаго меломана, чѣмъ русскій человѣкъ, и ужъ если русскій человѣкъ развѣситъ уши, то его бери голыми руками.

На будущее время — это лишнее подтвержденіе простаго тезиса: гоните нѣмца изъ Россіи, подъ какимъ бы соусомъ онъ ни появился!...

„Другое слово“.

Блеснуть умомъ на всю Россію — вотъ очередная задача томскаго губернатора:

Томскій губернаторъ предложилъ городской думѣ замѣнить разрѣшенное министерствомъ названіе „народный университетъ“ какимъ-либо другимъ словомъ.

Читатель! Прочтя это, не хочешь ли ты замѣнить названіе „томскій губернаторъ“ какимъ-либо другимъ словомъ?

Страшный планъ.

Болгарскій генеральный штабъ приглашаетъ для руководства операціями противъ сербовъ знаменитаго ген. Потіорекъ, на томъ основаніи, что-де Потіорекъ хорошо знаетъ сербскій фронтъ.

Еще бы!

Болгары, судя по этому, твердо рѣшили уморить сербовъ. Уморить — со смѣху.

В О Р Ъ.

Въ одиночной камерѣ сидитъ воришка,
На немъ сѣрый халатъ и теплые ботики.
На колѣняхъ — раскрытая старая книжка,
Глупая книжка изъ тюремной бібліотеки.

Читаетъ воришка и плачетъ, и плачетъ...
А книга самая дѣтская, немудрая —
О томъ, какъ зайчикъ по полю скачетъ,
А въ роцѣ фея живетъ златокудрая...

Никогда не видалъ онъ ни поля, ни роци,
Съ дѣтства шатаясь по смраднему городу...
И ноги воришки, въ ботикахъ — тощи,
И слезы капаютъ на жидкую бороду...

Василій Стариковъ.

О П Е Р Н Ы Й Т Е А Т Р Ъ П Р И Н А Р О Д Н О М Ъ Д О М Ъ И М П Е Р А Т О Р А Н И К О Л А Я ІІ.

Шаржи А. Радакова.

Испанцы.

„Карменъ“, опера въ 4 дѣйств. Бизе.

Эта опера впервые поставлена директорами оперы Народн. Дома въ текущемъ сезонѣ.

О самомъ произведеніи Бизе, конечно, говорить нечего, хотя кто-то изъ заднихъ рядовъ послѣ второго акта и попробовалъ робко крикнуть „Автора!“, давая намъ тѣмъ самымъ право думать, что молодой начинающій композиторъ присутствовалъ въ театрѣ и съ замирающимъ сердцемъ слѣдилъ, какъ будетъ принята публикой эта новинка...

Никто не будетъ спорить противъ того, что съ уходомъ Фигнера и съ передачей всего опернаго предприятия энергичнымъ Аксарину и Артемьеву — дѣла круто измѣнились, и на сценѣ повѣяло чѣмъ-то новымъ. Ворвалась какая-то свѣжая струя, настолько свѣжая, что уже теперь половина пѣвцовъ переболѣла насморками, ларингитами и тому подобными тихими удовольствіями, такъ удачно разнообразящими бурную артистическую жизнь.

Вообще, дирекція этого театра, „не останавливаясь ни передъ какими затратами“, рѣшила показать, что приглашенные ею артисты обладаютъ самыми крѣпкими прочными голосами въ мірѣ... Ибо, кромѣ свѣжей струи, сцена этого театра обладаетъ такимъ количествомъ многовѣковой пыли, что удивленіе окружающихъ является вполне заслуженной наградой энергичнымъ директорамъ. Суетное желаніе пустить публикѣ пыль въ глаза обнаружено дирекціей слѣшкомъ прямолинейно, безо всякой аллегоріи, при чемъ пущенная пыль попадаетъ не только въ глаза, но и въ горло и не только публикѣ, но и пѣвцамъ — этимъ славнымъ безотвѣтнымъ людямъ, доказывающимъ, что нѣтъ предѣла выносливости человѣческой.

И, однакоже, дѣло поставлено, повидимому, очень прочно. Предприятие ни на одну минуту не напоминаетъ гибнущаго корабля, съ котораго, какъ извѣстно, первыми исчезаютъ крысы. Крысы, наоборотъ, совершенно спокойны за свою судьбу, — настолько спокойны, что недавно публика собственными глазами видѣла огромную крысу, разгуливавшую передъ опущеннымъ занавѣсомъ послѣ второго акта „Бориса Годунова“.

Означенную крысу экспансивная публика много вызывала, но это молодое дарованіе оказалось достаточно скромнымъ и на аплодисменты не вышло, давая этимъ полезный примѣръ нѣкоторымъ старшимъ товарищамъ по сценѣ.

Впрочемъ, крысы, пыль и сквозняки на сценѣ можно дирекціи простить за тѣ нѣсколько именъ, которыя привлечены дирекціей... Оставляя въ сторонѣ Шалыпина — назовемъ имена эти: г-жа Петренко, гг. Брагинъ, Мозжухинъ, Рождественскій и др.

Въ этомъ мѣстѣ мы вплотную подходимъ къ отчетному спектаклю — оперѣ „Карменъ“, поставленной для г-жи Петренко, выступившей въ ней впервые за свою десятилѣтнюю артистическую дѣятельность.

Сидишь, смотришь Петренко въ „Карменъ“ и недоумѣваешь, почему ей не давали пѣть эту партію на Императорской сценѣ? Почему ее, вообще выжили съ Императорской сцены, — этотъ чудесный красивый талантъ, такъ засверкавшій на сценѣ пыльного наполненнаго крысами Народнаго Дома?

Было такое впечатлѣніе, что пѣвица жадно, какъ изголовавшаяся, дорвалась до желанной роли и заблестала въ ней, заискрилась, давъ совершенно новую краску и тона, купаясь въ своей роли привольно, какъ рыба въ водѣ. Не было ни одного затасканнаго опернаго жеста, ни одного ходульнаго шага — слова оперы, музыка, пѣніе и игра — все плотно, компактно слилось въ одно логическое цѣлое. Все это — при рѣдкой по экспрессіи и ясности дикціи

пѣвицы, красивой внѣшности и строго обдуманыхъ оригинальныхъ костюмахъ.

Петренко — первый плюсъ новой дирекціи.

Второй плюсъ — Рождественскій (донъ Хозе). Мы видѣли его въ „Музыкальной Драмѣ“, и уже тогда онъ поразилъ всѣхъ глубиной и мощностью своего дарованія. Теперь же пѣвецъ еще больше опредѣлился, еще больше окристаллизовался. На сценѣ появился (какой это рѣдкій случай въ оперѣ!) живой страдающій несчастный человѣкъ, и мы ему вѣрили, и никому въ голову не пришло, что все это, вообще, опера, что онъ изображаетъ ходульнаго испанца и что *пѣть о своихъ страданіяхъ* не совсѣмъ убѣдительно...

Тонкая сильная игра при чудесномъ голосѣ и большой музыкальности — таковъ этотъ артистъ, который настолько хорошъ, что едва ли даже будетъ когда-либо приглашенъ Теляковскимъ на Императорскую сцену. Въ послѣднее время это вѣдь — тайтентъ на талантъ, ибо даже часть хорошаго на Императорской сценѣ — это не отъ Теляковскаго, а отъ Бога, случая ляковскаго...

Третій плюсъ дирекціи Народн. Дома М. Брагинъ — къ сомылю по болѣзни (очень сцену Народнаго

прекрасный пѣвецъ А. жалѣнію, непѣль Эскавидно, слѣдствіе вѣя-Дома).

Г-жа Петренко (Карменъ) и два контрабандиста.

На огромную высоту поставленъ въ „Народномъ Домѣ“ хоръ.

Подборъ его сдѣланъ съ такимъ расчетомъ, что если ставится опера изъ испанской жизни — большая половина хора поетъ съ испанскимъ акцентомъ; опера изъ египетской жизни даетъ возможность хористамъ щегольнуть египетскимъ акцентомъ... И, мы, увѣрены, что когда пойдетъ „Самсонъ и Далила“ — всѣ хористы, щегольнувъ подлиннымъ акцентомъ, вознесутся на недостижимую высоту. Однако, это стремленіе дать иллюзію въ экзотическихъ операхъ отражается не совсѣмъ хорошо на русскихъ операхъ. Ибо, въ этихъ послѣднихъ съ разбѣгу — сохраняется тотъ же египетскій акцентъ.

Привычка — вторая нгура.

Въ оперѣ „Карменъ“ чудесно передана испанская окраска въ рѣчахъ контрабандистовъ Донкайро и Ромендадо.

Слова: „рыскъ“ — „мы рыскуемъ“ сразу переносятъ насъ въ сожженные солнцемъ горы далекой Аидалузіи.

* * *

Въ заключеніе пишушій эти строки выражаетъ свое удивленіе, почему съ лицъ, уже купившихъ билеты и заплатившихъ за это деньги, берутъ еще какія-то 15 копеекъ „за проходъ черезъ турникетъ“?

Это такъ бессмысленно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ выгодно, что пишушій настояшій строки, ищетъ компаніона для постройки еще одного турникета на улицѣ передъ входомъ въ Народный Домъ. Я и мой компаніонъ будемъ пропускать черезъ этотъ турникетъ публику и брать съ нея за это по 10 копеекъ. Во всякомъ случаѣ это дешевле, а ума и логики не меньше, чѣмъ у владѣльцевъ перваго турникета. Лицъ, желающихъ вступить со мной въ компанію, прошу адресоваться на имя автора настоящей статьи —

Марка Васильева.

Цунига — искусственный гримъ Петрушки.

Эскамилло — пѣтушится.

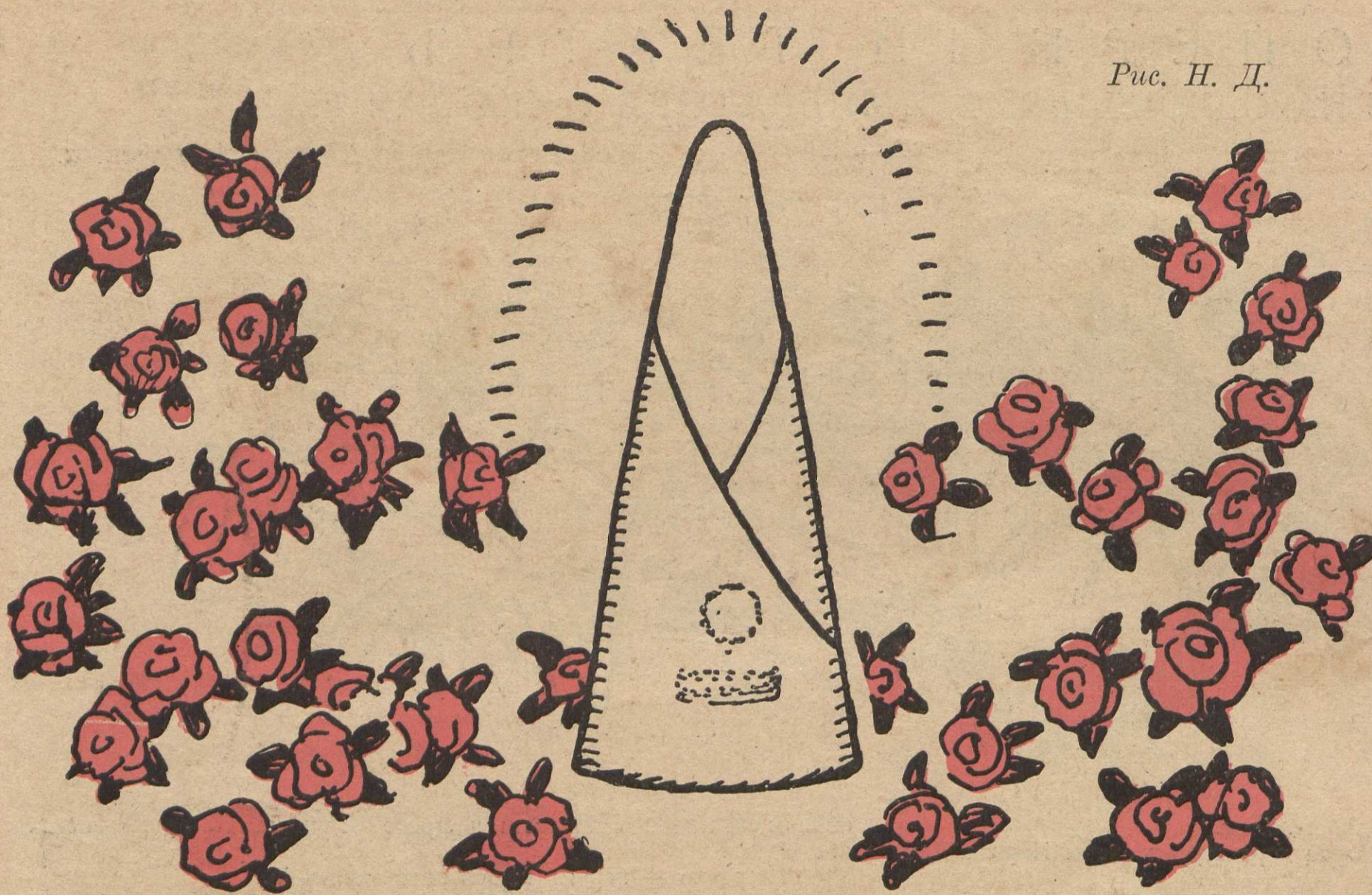

Рис. Н. Д.

ЖЕЛАННАЯ ГОЛОВА.

„Въ газетахъ не прекращается критика дѣйствій петроградскаго городскаго головы.“
(Изъ газетъ.)

— Вотъ, какую голову хотѣли бы видѣть у себя петроградцы.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГИМНАЗИСТА.

Война родитъ героевъ и умныя мысли. Истинный юморъ заключается въ мѣткихъ сравненіяхъ.

Парты это—траншеи, сидѣнье на урокахъ—позиціонная война; ручка — винтовка, перо — штыкъ, чернильница — патронташъ, ротъ — пулеметъ. Подсказъ или благополучно доставленная шпаргалка — подвигъ, отвѣтъ преподавателю съ мѣста — стычка, отвѣтъ у каѳедры или доски — бой, письменный отвѣтъ — сраженіе, экзамень — генеральное сраженіе, перерывъ — отчаянная попытка вырвать инициативу изъ рукъ непріятелей-преподавателей; выпускные экзамены — генеральное сраженіе съ рѣшительнымъ результатомъ; врученіе аттестата зрѣлости — миръ. Дай Богъ получить удовлетворительную отмѣтку — молебствіе о ниспосланіи побѣды; неожиданный вызовъ — дерзкое нарушеніе нейтралитета. «Камчатка» — тыль арміи гимназистовъ, уборная — штабъ гимназистовъ, учительская — непріятельская главная квартира. Расписаніе экзаменовъ — объявленіе о мобилизаціи; штрафной журналъ — «Бѣлая книга»; дневникъ и «четверти» — донесенія непріятельской главной квартиры. Единица — позорное пораженіе, двойка — частичная побѣда непріятеля, тройка — успѣхъ, четверка — крупный успѣхъ, пятерка — громкая побѣда гимназическаго оружія.

С. Б. Ш—ро.

Визжитъ шрапнель, какъ поросенокъ. Это, конечно, ея дѣло. Съ нея ничего и не возьмешь — вещь неодоушленная.

А вы, все-таки, человекъ. Стыдно.

Б. Москва.

А. Бородину. Слабо. — *Θ. Петрову*. Къ сожалѣнію, не подошло. — „Съверцу“. Тоже. — *Г-жѣ „Z.“* Ваше стихотвореніе слишкомъ личное, а потому для печати не годится.

Б. Провинція.

Царицынъ. г. Н. — Борисоглыбскъ. — А. — Б. — А-бо. — Харьковъ. А. Б. В. — Омскъ. Г. Дружинину. Въ пространствѣ — Семену Ро-д. — Ростовъ на Дону. М. Яхнину. — Константиновка. — Л. Зб. — Таловка, Саратовъ. Д. Боргардту. — Звенигородка, Ник. Чемному — Подольскъ. Гр. С-му. Все присланное не подошло.

Николаевъ. — Понтію. — „У меня, — остритъ Понтій, — за спиной 40 лѣтъ, на шеѣ любовница, на рукахъ семья, на носу зима — и, поэтому, я не могу стать на ноги“.

Стоило такъ сильно вооружаться, чтобы такъ неудачно съострить. *Безъ города. — Астроному. — „Мои остроты, — пишеть Астроному, — еще нигдѣ не были напечатаны“...*

Беремъ наугадъ № 3:

— Мужчины носятъ юбки?

— Носятъ. Въ ломбардъ.

Теперь мы понимаемъ, почему эти вещи „нигдѣ не были напечатаны“. Они навсегда сохраняютъ свою чарующую свѣжесть.

Одесса. — Пе-льцу (Огниву). — „Прошу моихъ вещей не переправлять, потому что я хотѣлъ бы сохранить свою физиономію“. Именно поэтому-то ихъ и нельзя пускать безъ исправленій.

Ave.

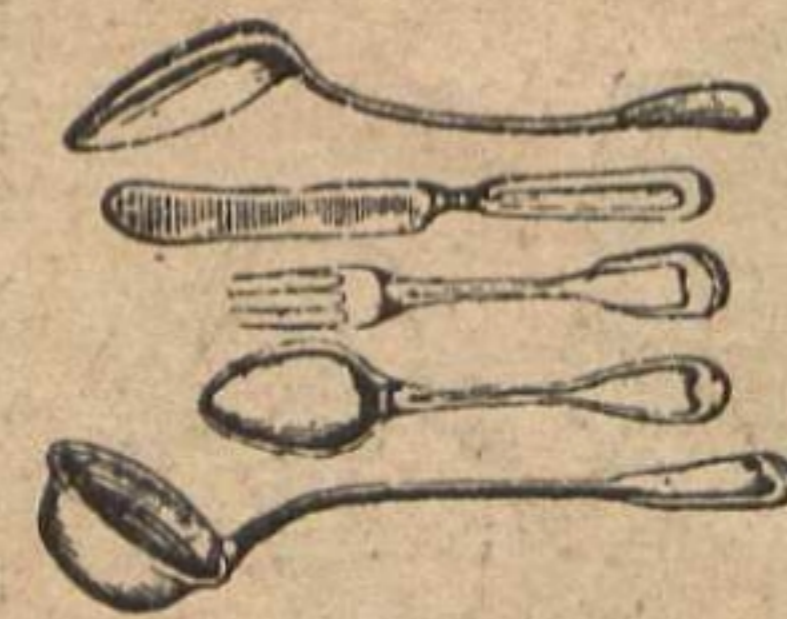
Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

Невскій, 83.
Петроградъ.

„НИКОЛАЙ ЛИНДЕНЪ“

По крайне удешевленнымъ цѣнамъ.

3-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

3-й годъ изданія.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМІИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб., съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к.
на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 83. Телефонъ № 59-07.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Комфортабельные
кабинеты.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Ресторанъ открытъ до 2 час. ночы

Требуйте у всѣхъ газетчиковъ и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ
въ СРЕДУ 14-го октября вышелъ № 26 большого иллюстрированного еженедѣльника новаго типа

„ЖУРНАЛЪ ЖУРНАЛОВЪ“.

Въ № помѣнены статьи и обзоры: Гр. Распутинъ въ беллетристикѣ. — Л. Fortunatovъ. Алфавитъ беллетристовъ российскихъ. — Мих. Левидовъ. Въ наши дни. — И. Василевскій (Не-Буква). Частное письмо М. О. Меньшикова. — Вадимъ Бѣловъ. Жалобы читателя. — Безымянный. „Гдѣ, о которыхъ молчать“. — Ян. Волынский. Ежемѣсячные журналы. — Ян. Яковлевъ. Очередная желчь. — Арк. Вуховъ. Пародии. — Евг. Вѣнскій. Рисунки, иллюстраціи, мелочи, вермишель.

Пробный номеръ высылается за одну 10 коп. марку. Цѣна отдѣльнаго №—10 коп. Редакторъ И. Василевскій (НЕ-БУКВА).

Продолжается подписка на 1 годъ — 4 р., на 1/2 года 2 р. 50 к., на 3 мѣс. — 1 р. 50 к., на 1 мѣс. — 55 коп.

Адресъ Главной Конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій 63, тел. 169-55.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59-07.

Выписывающіе со склада издательства за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

НОВОСТЫ!!

Цѣна 1 р. 25 к.

Н. Тэффи:

КАРУСЕЛЬ.

Цѣна 1 р. 25 к.

И СТАЛО ТАКЪ.

Цѣна 1 р. 25 к.

ДЫМЪ БЕЗЪ ОГНЯ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

НОВОСТЫ!!

Цѣна 1 р. 25 к.

НОВОСТЫ!!

Цѣна 1 р. 25 к.

Владиміръ Воиновъ.

Солнечные рассказы.

Цѣна 1 р. 25 к.

НОВОСТЫ!!

Цѣна 1 р. 25 к.

Аркадій Аверченко.

О хорошихъ въ сущности людяхъ.

Цѣна 1 р. 25 к.

Чернымъ по бѣлому.

Цѣна 1 р. 25 к.

Круги по водѣ.

Цѣна 1 р. 25 к.

НОВОСТЫ!!

Цѣна 1 р. 25 к.

См. слѣдующій № „Новаго Сатирикона“.

А. Мюрже.

Богема.

Цѣна 1 р. 25 к.

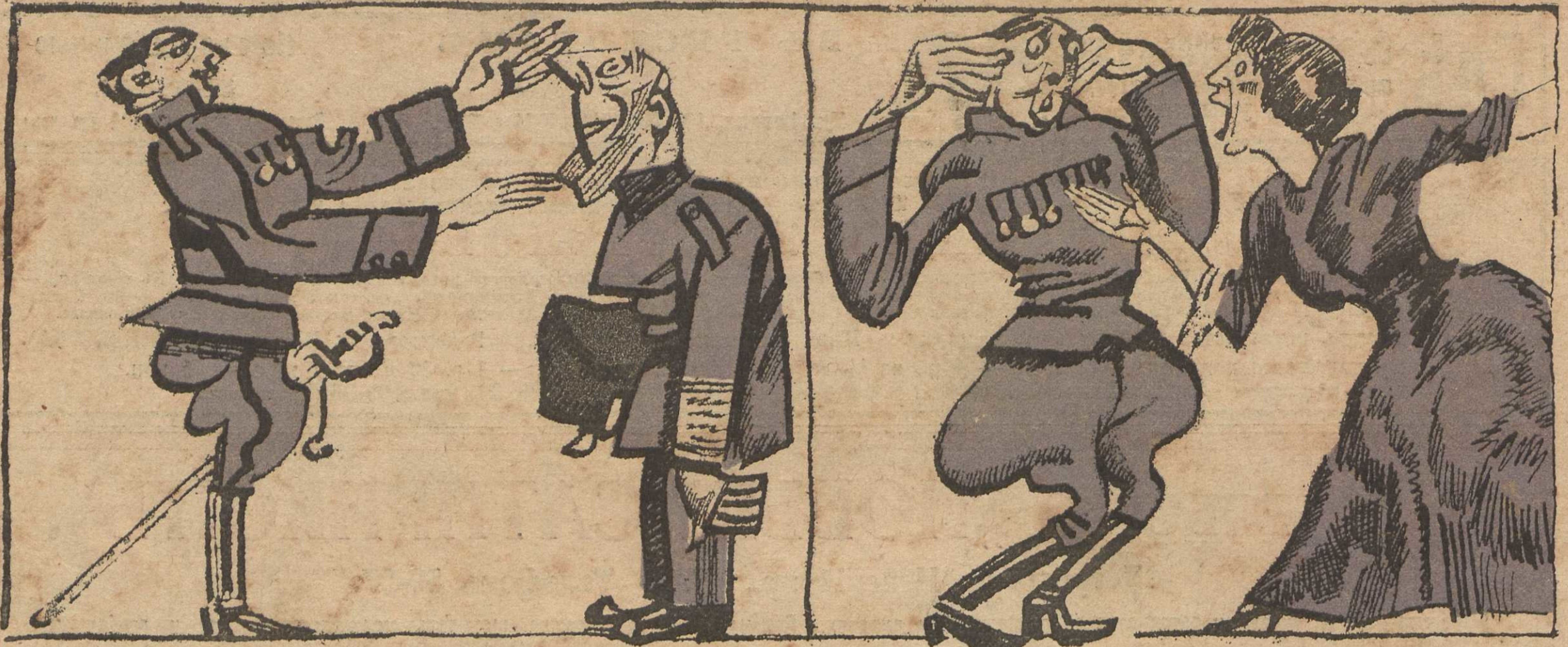
„ТЕПЛАЯ КОМПАНИЯ“.

(СЪ КЪМЪ МЫ ВОЮЕМЪ.)

Текстъ — Арк. Аверченко, Вл. Азова, А. Бухова, О. Л. Д'Ора, Тэффи.

Изданіе богато иллюстриров. но.

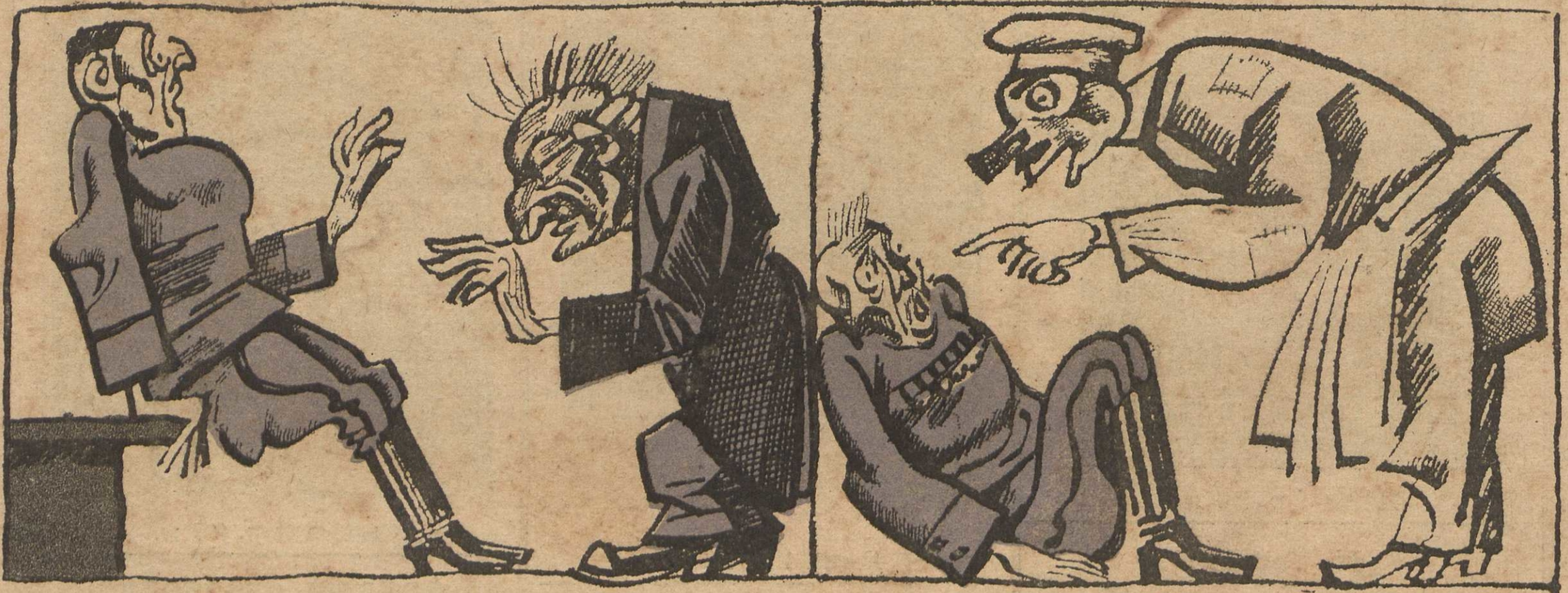
Цѣна 1 р. 25 к.

Король: — Послушайте, министр! Пойдите, объявите союзникамъ, что мы къ нимъ присоединяемся.

Королева (услышавъ предыдущее): — Ка-акъ?! Я сестра Вильгельма, а ты хочешь выступить противъ Германіи?!.. Ты долженъ выступить лишь за Германію!!

Король: — Хорошо! Выступимъ за Германію... Министръ, пойдите, объявите и т. д.

Дядушка короля: — Ка-акъ? Ты хочешь выступить за нѣмцевъ въ то время, какъ нѣмцы всю жизнь смѣялись надо мной и отказались даже выдать за меня одну изъ своихъ герцогинь?! Ты осмѣлишься выступить за нѣмцевъ?!

Король: — Хорошо, хорошо! Я выступлю противъ нѣмцевъ! И такъ, г. министр, пойдите, скажите и т. д.

Поварь короля: — Что я слышу?! Вы хотите выступить противъ нѣмцевъ?! И думать не можете! Это вѣдь единственная страна, которая доставляетъ намъ настоящія франкфуртскія сосиски; а что у меня будетъ за кухня, если вы разорвете съ нѣмцами дипломатическія отношенія?!

Король: — Ну, хорошо, хорошо... Пойдите, скажите... и т. д.

Просто посторонній человекъ: — Вы хотите стоять за нѣмцевъ? Въ такомъ случаѣ я разъ навсегда отказываюсь покупать греческія губки, которыми такъ хорошо растирать тѣло!!

Король: . . . !! . . . ??? . . . ?!